

ТОРГОВАЯ ВОЙНА США И КИТАЯ: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ЭФФЕКТЫ

Екатерина АРАПОВА
МГИМО МИД России

Аннотация: Торговая война США и Китая, ставшая следствием различий в структуре производства двух государств, системных противоречий в принципах проведения внешнеэкономической политики и борьбы за глобальное лидерство, оказывает значимое влияние на глобальные торговые потоки и конъюнктуру отраслевых рынков. Автор ставит своей целью выявить ключевых бенефициаров американско-китайской торговой войны, дать оценку ситуации на отдельных отраслевых рынках, а также определить глобальные правовые эффекты, зачастую выпадающие из поля зрения экспертов. Основными выгодоприобретателями торговой войны между США и КНР становятся американские фармацевтические компании и производители электронных интегральных схем, диодов, транзисторов, полупроводников и прочих высокотехнологичных комплектующих, при этом американские потребители сталкиваются с ростом импортных цен. В числе внешних бенефициаров можно выделить Чили, Малайзию, Аргентину, Бразилию, Канаду, выигрывающих за счет роста поставок сельхозпродукции и металлов; Малайзию, Вьетнам, Тайвань, САР Гонконг, Сингапур, Республику Корея и Японию (электроника); Вьетнам, Пакистан, Бангладеш, Шри-Ланку, Камбоджу и Индию (текстильные производства). США нацелились на вытеснение Китая с мирового рынка редкоземельных металлов, формируя вокруг себя инвестиционную коалицию, включающую Австралию и Японию. Из-за системного распространения санкций и торговых ограничений, противоречащих принципам глобальной торговой системы, решение санкционных и торговых споров смещается с глобального уровня на уровень американской правовой системы. Международное законодательство фактически вытесняется национальным – американским. Причем этот процесс насаждается не только «сверху», но и эволюционно стимулируется «снизу», так как сами истцы осознают существенно более высокую эффективность решения споров в американских судах.

Ключевые слова: протекционизм, торговая война, Китай, США, энергетика, редкоземельные металлы, таможенные пошлины, санкции

Арапова Екатерина Яковлевна – кандидат экономических наук, директор, ведущий научный сотрудник Центра экспертизы санкционной политики Института международных исследований МГИМО МИД России.

ORCID: 0000-0001-8765-9825. E-mail: arapova_katrin@mail.ru
119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76.

Поступила в редакцию: 08.05.2023

Принята к публикации: 11.06.2023

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Противостояние США и Китая — двух экономически мощных мировых держав приводит к существенной перебалансировке глобальных торговых и перераспределению денежных потоков. Главной проигравшей стороной в битве глобальных амбиций и транснациональных капиталов становятся китайские и американские потребители, вынужденные приобретать товары по более высоким ценам, однако круг проигравших может оказаться значительно шире. Дискуссия о предпосылках американо-китайской торговой войны и ее последствиях для мировой экономики в целом и влиянии на экономическое развитие отдельных государств и регионов, в наибольшей степени зависящих от рынков, технологий и/или инвестиций из США и Китая, занимает значимое место в научной литературе. Несомненно, экономический и политический мотивы усиления протекционистских настроений неотделимы друг от друга. Стремительный рост Китая, основанный на экспортоориентированной модели развития и стимулировании перехода на высокотехнологичные рельсы, стал главным вызовом американскому глобальному доминированию.

Некоторые эксперты склонны придерживаться позиции, согласно которой торговая война Китая и США — следствие экзистенциальных противоречий принципов либерализма и свободной торговли, с одной стороны, и протекционизма в целях защиты национальных интересов и поддержки отечественных секторов экономики — с другой. Очевидно, что свободная торговля по-разному влияет на экономический рост, а эффекты либерализма напрямую определяются конкурентными преимуществами того или иного государства на глобальном рынке (Samuelson, 2004; Gomory and Baumol, 2009). Стремительный рост Китая, расширение его промышленного потенциала, рост ценовой конкурентоспособности и глобальное засилье китайских товаров на глобальном рынке привели к резкой смене глобальной парадигмы. Еще два–три десятилетия назад именно развитые государства во главе с США были главными сторонниками принципов свободной торговли (которые и легли в основу пунктов Вашингтонского консенсуса), зачастую в ущерб развивающимся государствам (Greenaway, Morgan and Wright, 2002; Santos-Paulino and Thirlwall, 2004; Bourdon, Mouél and Vijil, 2013). А сегодня именно Китай позиционирует себя в качестве основного приверженца принципов Всемирной торговой организации (ВТО), в том числе недопущения дискриминации в торговле, а позиция Соединенных Штатов сводится к защите собственных национальных интересов (Пак, 2020). Одной из основополагающих экономических причин американо-китайского торгового конфликта является хронический дефицит торгового баланса США в торговле с Китаем и рядом других торговых партнеров (Пак, 2020).

Хронический характер дефицита обусловлен рядом факторов — внутренней налоговой политикой Соединенных Штатов, сдерживающей экспорт; «резервной» ролью доллара США; высокими показателями неравенства по уровню доходов и стабильно нулевым приростом среднего уровня заработной платы в производящих секторах американской экономики. К этому следует добавить различия в структуре производства двух государств и разрыв

между собственными импортными пошлинами США и ограничениями, с которыми сталкиваются американские товары при поставках на рынки развивающихся государств, в первую очередь Китая¹ (Пак, 2020). В этих условиях стремление удержать (или вернуть) торговые преимущества вынуждает США прибегать к протекционизму, сопровождаемому обвинениями в недобросовестной конкуренции и несправедливой торговой политике (Park, 2018)² в адрес экономически более успешных участников рынка. Поэтому протекционистская политика США в отношении Китая — не что иное, как инструмент сдерживания экспансии китайского капитала, его промышленного и технологического развития (Петров, 2020; Данилин, 2020; Литвинов, 2020). Таким образом, корни торгового конфликта между двумя государствами не только лежат в сфере экономики, но и плотно связаны с борьбой за глобальное доминирование (Пак, 2020; Chin, Rowley, Redding et al., 2018)³, а экономическая природа противоречий тесно увязана с политической.

Раскручивание спирали взаимных торговых ограничений не только ведет к ухудшению двусторонних торговых отношений (Park, 2018), но и оказывает влияние на третьи страны, тесно вовлеченные в цепочки добавленной стоимости с участием этих двух крупных производственных центров (особенно в сфере электроники и прочего высокотехнологичного оборудования)⁴. По оценкам экспертов, эффекты торговой войны могут замедлить рост экономики США более чем на 3%, Китая — на 4%⁵. Воздействие на мировую экономику в целом ниже — снижение от 0,1% до 0,25% в случае реализации конфликтных сценариев⁶, однако влияние на страны Азиатско-Тихоокеан-

¹ См.: Pettis M. (2017) Is Peter Navarro Wrong on Trade? *Carnegie Endowment for International Peace*, 2 February. Available at: <https://carnegieendowment.org/chinafinancialmarkets/67867> (accessed 9 May 2021); Bekkers E. and Schroeter S. (2020) An Economic Analysis of the US-China Trade Conflict. ERSD-2020-04: 35. WTO. Available at: https://www.wto.org/english/res_e/reser_e/ersd202004_e.htm (accessed 9 May 2021).

² Genereux F. (2017) Protectionism: A Brake on Economic Growth (n.d.). Desjardins. Available at: <https://www.desjardins.com/en/savings-investment/economic-studies.html> (accessed 9 May 2021); *World Trade Organization* (2018) World Trade Report 2018. DOI: 10.30875/f309483f-en.

³ Schwab K. (2016) The Fourth Industrial Revolution: what it means and how to respond. *World Economic Forum*, 14 January. Available at: <https://www.weforum.org/agenda/2016/01/the-fourth-industrial-revolution-what-it-means-and-how-to-respond/> (accessed 09 May 2021); *The White House* (2017) National Security Strategy of the United States of America. The White House. Available at: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed 23 May 2021); Jiming H. (2018) China — US Trade Conflict: Causes and Impact. CF40-PIIE Joint Report, China Finance Forum. PIIE. Available at: <https://pie.com/system/files/documents/ha20180611ppt.pdf> (accessed 23 May 2021); Doffman Z. (2019) Trump Signs Executive Order That Will Lead to U.S. Ban on Huawei (Updated). *Forbes*, 15 May. Available at: <https://www.forbes.com/sites/zakdoffman/2019/05/15/trump-expected-to-sign-executive-order-leading-to-ban-on-huawei-this-week/> (accessed 29 May 2021).

⁴ Abiad A., Baris K., Bernabe J.A., Bertulfo D.J., Camingue-Romance S., Feliciano P.N., Mariasingham M.J. and Mercer-Blackman V. (2018) The Impact of Trade Conflict on Developing Asia. ADB Economics Working Paper Series 566. *Asian Development Bank*, December. Available at: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/471496/ewp-566-impact-trade-conflict-asia.pdf> (accessed 29 May 2021).

⁵ Bollen J., Rojas-Romagosa H. (2018) Trade Wars: Economic Impacts of US Tariff Increases and Retaliation: An International Perspective. *CPB Background Document*, CPB Netherlands Bureau for Economic Policy Analysis, 19 November. Available at: <https://www.cpb.nl/sites/default/files/omnidownload/CPB-Background-Document-November2018-Trade-Wars-update.pdf> (accessed 29 May 2021).

⁶ Abiad A., Baris K., Bernabe J.A., Bertulfo D.J., Camingue-Romance S., Feliciano P.N., Mariasingham M.J. and Mercer-Blackman V. (2018) The Impact of Trade Conflict on Developing Asia. *ADB Economics Working Paper Series 566*.

ского региона (АТР) может оказаться весьма ощутимым. Наибольшие потери могут понести экспортеры промежуточных товаров из Южной Кореи, Японии, Сингапура и Тайваня, а также Австралия, Индонезия, Таиланд и Филиппины, экспортирующие в Китай сырьевую продукцию и промышленные товары⁷. Оценки Международного валютного фонда (МВФ) более пессимистичны: торговые войны уже обошлись глобальной экономике примерно в 700 млрд долл. США, сдерживая глобальный экономический рост примерно на 0,8%.

Противостояние двух держав неизбежно влечет за собой заполнение освобождающихся ниш производителями и экспортерами из третьих стран, ведет к изменению конъюнктуры ряда отраслевых рынков: перебалансировке энергетического рынка, новым тенденциям в торговле редкоземельными металлами, перераспределению доходов между производителями сельскохозяйственных культур. Расширение ограничительной практики США приводит к смещению правовых акцентов и переносу торговых разбирательств с международного уровня в американские судебные инстанции. Цель данной статьи заключается в выявлении и анализе данных процессов, зачастую выпадающих из поля зрения экспертов.

Хронология торговой войны

Начало полномасштабной торговой войны Китая и США датируется весной 2018 г., хотя инструменты финансового принуждения в отношении Китая стали применяться американской администрацией еще в начале 2000-х гг. В предкризисный период Соединенные Штаты были немало обеспокоены заниженным курсом юаня и производным от него профицитом Китая в торговле с США, достигшим к 2017 г. почти 400 млрд долл. и втрое превышавшим объемы американского экспорта в Китай. В результате системной скупки долларов для поддержания конкурентоспособности национальной валюты и приобретения долларовых облигаций КНР превратилась в крупнейшего держателя разросшегося американского долга, обретая таким образом мощный инструмент влияния на американскую экономику.

Торговое давление на Китай в последние годы является ключевым компонентом широкомасштабной политики сдерживания страны со стороны США в финансово-экономической сфере, где главная роль отводится американскому Министерству торговли. К числу основных наиболее действенных рычагов экономического давления на Китай, имеющих в распоряжении США, относятся (1) доллар и финансовое лидерство США; (2) инновации

Asian Development Bank, December. Available at: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/471496/ewp-566-impact-trade-conflict-asia.pdf> (accessed 29 May 2021).

⁷ Bollen J., Rojas-Romagosa H. (2018) Trade Wars: Economic Impacts of US Tariff Increases and Retaliation: An International Perspective. *CPB Background Document, CPB Netherlands Bureau for Economic Policy Analysis*, 19 November. Available at: <https://www.cpb.nl/sites/default/files/omnidownload/CPB-Background-Document-November2018-Trade-Wars-update.pdf> (accessed 29 May 2021); World Economic Outlook, April 2019: Growth Slowdown, Precarious Recovery. (2019) *International Monetary Fund*. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2019/03/28/world-economic-outlook-april-2019> (accessed 29 May 2021).

и технологическое лидерство США; (3) формирование международного общественного мнения о Китае, возможное нанесение ему репутационного ущерба за счет акцентирования международного внимания на «несправедливой» торговой политике КНР⁸.

За последние три года торговая война США и Китая прошла несколько этапов эскалации. Наиболее агрессивно взаимная тарифная война развивалась в периоды с июля по октябрь 2018 г. и с мая по октябрь 2019 г. (см. рис. 1 и рис. 2). Объектами повышения тарифов со стороны США стал широкий круг товарных позиций: от сырьевых (сталь, алюминий), низкотехнологичных (текстиль, обувь, игрушки) до высокотехнологичных (солнечные панели, электроника и комплектующие). Китай, в свою очередь сделал ставку на ограничение американского сельскохозяйственного импорта (фрукты, сухофрукты, орехи, вино, свинина, соевые бобы, рыба, морепродукты и пр.), повышение пошлин на нефтепродукты, автомобили, медицинское оборудование, самолеты и пр.

В результате торговой войны средний уровень ставок таможенных пошлин США в отношении импорта из Китая вырос с 3.1% до 19.3%, охватив 66.4% товарных позиций. Тарифный протекционизм Китая в отношении американской продукции достиг 20.7% против 8% по состоянию на начало 2018 г. (58.5% импорта из США).

Рисунок 1. Тарифная война Китая и США. Ставки таможенных пошлин во взаимной торговле Китая и США⁹

Figure 1. China-US tariff war. Customs duty rates in mutual trade between China and the United States

⁸ По мнению властей США, Китай получает преимущества за счет активной поддержки государством стратегических отраслей, программ принудительного труда, получения незаконного доступа к личным данным, промышленного шпионажа и нарушений прав интеллектуальной собственности.

⁹ Bown C.P. (2022) US-China Phase One Tracker: China's Purchases of US Goods. *Peterson Institute for International Economics*, 19 July. Available at: <https://www.piie.com/research/piie-charts/us-china-phase-one-tracker-chinas-purchases-us-goods> (accessed 2 September 2022).

Рисунок 2. Тарифная война Китая и США. Доля товарных позиций под действием повышенных ставок таможенных пошлин¹⁰
Figure 2. China-US tariff war. Share of commodity items under the influence of increased customs duty rates

В октябре 2019 г. Д. Трамп отказался от обещанного дальнейшего повышения пошлин до 30%, было также отменено намеченное на 15 декабря 2019 г. введение пошлин 15 января 2020 г. США и КНР подписали торговое соглашение («первая фаза»), которое предусматривало структурные изменения экономической и торговой политики Китая. Они касались таких сфер, как права интеллектуальной собственности, передача технологий, сельское хозяйство, валюта и финансовые услуги. Кроме того, Китай взял на себя обязательства по приобретению в 2020–2021 гг. американских товаров на сумму, превышающую импорт этих товаров в КНР на момент 2017 г. не менее чем на 200 млрд долл.

Однако взятые на себя китайской стороной обязательства так и не были выполнены. К концу 2020 г. импорт Китаем американских товаров составил 58% от предусмотренного «первой фазой» торгового соглашения¹¹. Товары американской энергетики, включая природный газ, нефть, нефтепродукты и уголь, были той группой товаров, наращивание покупок которых сильнее прочих отставало от условий «первой фазы» – 39% от требуемого за 2020 г. (18.5 млрд долл.).

¹⁰ Bown C.P. (2022) US-China phase One Tracker: China's Purchases of US Goods. *Peterson Institute for International Economics*, 19 July. Available at: <https://www.piie.com/research/piie-charts/us-china-phase-one-tracker-chinas-purchases-us-goods> (accessed 2 September 2022).

¹¹ Едовина Т. (2021) Тяжелая китайская доля. *Коммерсантъ*, 25 января. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4661413> (дата обращения: 29.05.2021).

Эффекты торговой войны

Торговая война оказывает значимое влияние на глобальную торговлю и движение технологий, порождает эффекты перераспределения торговых потоков в пользу третьих стран, приводит к изменению поведения инвесторов и системы принятия решений о размещении производств за рубежом.

В результате тарифного противостояния китайский экспорт в США сократился несколько больше, чем американский — в Китай (17% против 11% по состоянию на 2019 г.). Резко снизились поставки в КНР американского сырья: минерального топлива, меди и черных металлов (см. рис. 3) — тех товарных позиций, которые Китай легко смог заместить поставками из третьих стран — России, Индонезии, Бразилии, Чили, Малайзии и Южной Кореи. Более чем на 40% сократились поставки в КНР американских самолетов и продукции космического машиностроения.

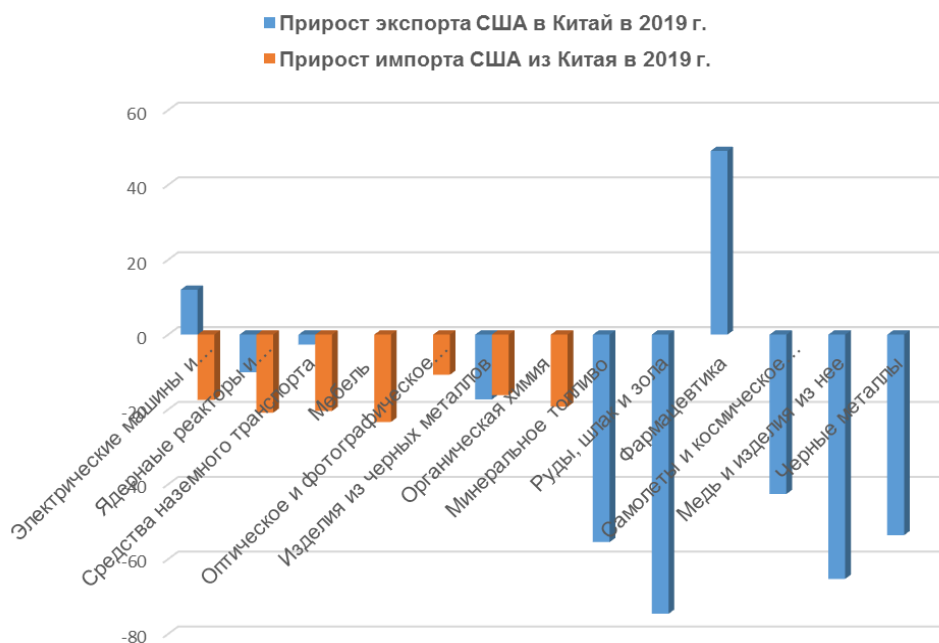

Рисунок 3. Состояние взаимной торговли Китая и США по ключевым товарным позициям в 2019 г.¹²

Figure 3. Reciprocal China-US trade by key commodities in 2019

Основными бенефициарами торгового противостояния стали американские фармацевтические компании и производители электронных интегральных схем, диодов, транзисторов, полупроводников и прочих высокотехнологичных комплектующих.

¹² Источник: расчеты автора на основе данных ITC Trade Map.

Промышленность и технологический сектор

Около 40% товаров и услуг, входящих в условия «первой фазы», составляли промышленные товары, главным образом продукция автомобилестроения и комплектующие широкой номенклатуры товаров машиностроения. По итогам торговой войны на начало 2021 г. экспорт американских промышленных товаров в Китай снизился на 17% по сравнению с 2017 г.; экспорт автомобилей, грузовиков и комплектующих сократился более чем на 30% (КНР – второй по величине рынок американского автопрома). При этом Китай снизил тарифы на импорт японских, немецких и южнокорейских автомобилей с 25 до 15%, что обеспечило их ценовую конкурентоспособность относительно американских аналогов.

Существенно уменьшился импорт американских самолетов: с 18 млрд долл. в 2018 г. до менее чем 11 млрд в 2019 г. и до 4.6 млрд к концу 2020 г. (менее 25% от установленной по «первой фазе» суммы на 2020 г.).

Технологическая война между США и Китаем привела к глобальным изменениям на рынке телекоммуникаций и электроники. В 2019–2020 гг. администрация Д. Трампа ввела запреты на продажу американских технологий многим китайским компаниям, а также на приобретение китайских технологий американскими предприятиями. Под действие ограничений подпали *Huawei*, *SMIC*, *ZTE*, *WeChat*, *TikTok*, *Alipay*, *CamScanner*, *QQWallet* и пр.¹³

В результате и США, и Китай предприняли меры для сокращения зависимости от импорта компонентов для производства электроники. В Соединенных Штатах было открыто несколько новых заводов по производству полупроводников; Пентагон обязал своих подрядчиков уведомлять об использовании компонентов электроники из Китая, России, КНДР и Ирана. В Китае были развернуты меры государственной поддержки по развитию производства чипов и микросхем (налоговые льготы, субсидии и пр.)¹⁴.

Также изменились цепочки поставок электроники. Прямой экспорт из КНР в США сократился, но Китай стал ключевым поставщиком компонентов в новые страны, производящие сборку продукции (в первую очередь Вьетнам). При этом даже в условиях торговой войны Китай сохранил позицию лидера по поставкам в США. Американские запреты повлекли за собой дефицит на рынке микрочипов¹⁵, который негативно отразился на мировом автопроме, главным образом на финансовом состоянии американских (в меньшей сте-

¹³ 9 июня 2021 г. Дж. Байден подписал указ, отменяющий введенные Д. Трампом ограничения против китайских сервисов *TikTok* и *WeChat*. Одновременно президент поручил Министерству торговли оценить опасность иностранных приложений для безопасности и экономики США, а также разработать варианты защиты данных от их действий.

¹⁴ CRS (2021) China's New Semiconductor Policies: Issues for Congress. 20 April. Available at: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R46767> (accessed 29 May 2021).

¹⁵ Лакстыгал И., Новый В. и Илющенко Д. (2022) Запасы микросхем в США на опасно низком уровне. Ведомости, 26 января. Available at: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2022/01/26/906582-chipi-opasnosti> (дата обращения: 29.05.2022).

пени европейских и японских) автопроизводителей. Стагнация предложения в условиях опережающего роста спроса создала краткосрочный товарный дефицит и спровоцировала рост цен. Сокращение экспортных доходов может потенциально привести к сокращению бюджета американских технологических компаний на исследования и новые разработки.

Нехватка полупроводников, микрочипов и интегральных микросхем открывает возможности лидерства для Южной Кореи, Японии, Тайваня, Финляндии. В то же время происходит перераспределение баланса сил внутри самих США: конкуренцию традиционным производителям начинают создавать *Amazon.com Inc.*, *Microsoft Corp.* и *Google*.

Важно, что объектом американской технологической атаки становится не только Китай. Запреты на поставки в КНР технологического оборудования на фоне действия Закона США «О противодействии противникам Америки посредством санкций» (*CAATSA*)¹⁶ и экстерриториальности американского санкционного законодательства фактически отрезали европейские технологические компании от китайского рынка, поскольку осуществляющие поставки технологических товаров в Китай без лицензий компании рискуют попасть под штрафы в рамках Закона о чрезвычайных экономических полномочиях (*IEEPA*)¹⁷. При этом ряд американских и союзнических компаний (например, *IntelCorp.* и японская *Kioxia Corp.*) на определенном этапе сохранили за собой право работать с Китаем, получив лицензии Минторга США на поставки той же *Huawei*. И хотя впоследствии лицензии были отозваны, американские гиганты успели получить краткосрочные доходы, поскольку *Huawei* сыграла на опережение: поспешила пополнить запасы комплектующих и закупиться впрок. Фактически США обеспечили высокие краткосрочные экспортные доходы собственным компаниям, с одной стороны, и вытеснили европейских конкурентов с крупнейшего рынка – с другой, ограничив шансы Китая на диверсификацию технологических поставок.

На фоне торговой войны радикально изменилось поведение инвесторов. Ориентированные на китайский рынок сбыта компании (часть американских автопроизводителей, включая *Tesla* и подразделения *BMW*) вместо наращивания экспорта перенесли производство и технологии в Китай. При этом компании, размещавшие в КНР производства ради снижения себестоимости, начали покидать страну¹⁸. На Тайвань производство смартфонов перенесла *Sony*, а производство смартфонов на материковом Китае остановил *Samsung*. В то же время этот процесс предсказуем и фактически был неизбежен в усло-

¹⁶ *CAATSA (Countering America's Adversaries Through Sanctions Act)*. Подписан 2 августа 2017 г. президентом США Д. Трампом.

¹⁷ The International Emergency Economic Powers Act: Origins, Evolution, and Use. (2020) *Congressional Research Service*, 14 July. Available at: <https://sgp.fas.org/crs/natsec/R45618.pdf> (accessed 29 May 2021).

¹⁸ Li Y. (2019) More than 50 Companies Reportedly Pull Production out of China Due to Trade War. *CNBC*. 18 July. Available at: <https://www.cnn.com/2019/07/18/more-than-50-companies-reportedly-pull-production-out-of-china-due-to-trade-war.html> (accessed 29 May 2022).

виях трансформации китайской экономики. Торговая война выступила скорее триггером, дополнительным стимулом, но не первопричиной ухода иностранных инвесторов. Вследствие трансформации модели экономического роста КНР, перехода на технологичные рельсы, стремительного формирования среднего класса, урбанизации и роста доходов Китай утратил ключевое конкурентное преимущество в виде дешевой рабочей силы. Рентабельность размещенных в КНР производств быстро снижалась, а повышение тарифов в результате торговой войны и дополнительные риски подпасть под санкционное «правоприменение» (*enforcement*) США лишь ускорили этот процесс. В результате зарубежные производители электроники, ориентированные на средний класс, оказались неспособными конкурировать с люксовыми брендами, с одной стороны, и проигрывали в стоимостной борьбе китайской продукции в нижнем ценовом сегменте с другой.

Основными бенефициарами замещения импорта китайских товаров в США (электроники, мебели, туристических товаров) стали Тайвань, Вьетнам, Мексика, Южная Корея, Япония, а также частично Индия.

Таблица 1. Основные бенефициары торговой войны Китая и США по состоянию на конец 2019 г.¹⁹

Table 1. Key beneficiaries of the China-US trade war as of the end of 2019

	Офисная техника	Прочее машиностр.	Электр. машиностр.	Химикаты	Оборудование	Руды и металлы	Точные приборы	Сельское хозяйство	Транспорт	Мебель	Одежда и текстиль	Прочее	=
Тайвань	2830	122	287	5	491	205	183	6	14	55	8	11	4217
Мексика	420	407	876	127	0	373	166	599	456	99	47	0	3570
ЕС	108	739	422	324	0	96	371	215	285	0	66	55	2681
Вьетнам	60	8	400	134	1106	130	18	14	52	665	4	10	2601
Япония	63	997	0	342	10	62	0	21	1	0	12	32	1540
Канада	39	307	110	0	416	83	62	21	76	0	0	83	1197
Южная Корея	568	99	68	95	13	52	2	19	117	5	48	29	1115
Индия	18	68	83	243	0	181	23	23	6	27	41	42	755
Таиланд	0	124	25	243	0	58	0	0	4	22	4	1	481
Бразилия	0	191	27	129	9	71	7	4	11	0	4	0	451
Россия	0	0	19	143	0	54	0	56	1	0	0	74	347
Малайзия	12	0	12	40	0	50	76	0	1	58	2	1	251
Турция	0	23	12	17	31	89	9	13	5	11	14	1	226
Индонезия	0	29	27	0	42	25	4	0	1	0	2	0	129
Австралия	0	5	0	23	13	0	4	16	2	26	3	3	95
Аргентина	0	22	1	8	0	27	0	9	0	3	1	3	75
ЮАР	0	3	3	30	0	0	4	13	0	5	2	0	60
Пакистан	0	0	0	5	0	0	1	3	0	2	25	0	37
Остальной мир	179	82	89	272	10	78	261	33	0	3	583	25	1616
	4297	3226	2461	2179	2142	1635	1190	1065	1031	981	866	371	21443

От переноса текстильных производств выиграли главным образом «отшивочные» страны Юго-Восточной Азии (ЮВА), Пакистан, Бангладеш, Шри-Ланка, отчасти Индия. Ситуацию несколько изменила пандемия, когда часть производителей из пораженных коронавирусом стран ЮВА стала вновь проявлять интерес к работе в Китае, который быстро восстанавливал экономику

¹⁹ Источник: ЮНКТАД.

после ограничений, вызванных *COVID-19*. Сложно предположить, насколько сильным будет этот тренд; во всяком случае его устойчивость определяется не только динамикой экономики КНР, но и глубиной китайско-американского торгового конфликта.

Энергетика

Торговая война оказала прямое влияние и на нефтегазовый сектор. Введение таможенных пошлин на американскую нефть со стороны Китая повлекло за собой падение ее импорта. Энергоносители составили около 15% от товаров и услуг, охваченных «первой фазой», при этом достичь выполнения Китаем обязательств в части закупки энергоносителей не удалось.

Обязав КНР наращивать импорт энергоресурсов, США фактически планировали получить двойные преимущества. С одной стороны, заработать на увеличении объемов поставок энергоносителей и укрепить свою отечественную отрасль, частично вытеснив в краткосрочной перспективе конкурентов (в том числе Россию). С другой — осложнить предпринимаемый Китаем переход к безэмиссионной экономике, усиливая в последующем давление на КНР за несоблюдение экологических стандартов.

Торговая война затронула также рынок альтернативной энергетики. Ограничение США импорта китайских солнечных модулей создало дефицит двусторонних солнечных панелей в связи с тем, что Китай выступает ключевым поставщиком данной продукции, не выпускаемой в Соединенных Штатах с 2016 г. Повышение тарифов на импорт стали и магнитов, которые используются при производстве ветровых турбин, увеличило стоимость реализации проектов в области ветроэнергетики в США на 20%. Важный стратегический итог торговой войны состоит в том, что Китай активно диверсифицирует поставки модулей. Если в 2000-х гг. его экспорт был направлен преимущественно на западные страны, то в последние годы существенно выросла доля Вьетнама, Индии, Японии и других государств, в отношениях с которыми риск торгового регулирования ниже.

Рынок редкоземельных металлов

С началом торговой войны США серьезно озаботились необходимостью снижения зависимости от импортных поставок из КНР редкоземельных металлов, необходимых для производства высокотехнологичных устройств (электроника, автомобили, продукция оборонного комплекса и авиация).

После закрытия нескольких шахт в США и Австралии с начала 2000-х гг. Китай стал мировым лидером по добыче и экспорту редкоземельных металлов (на него приходится около 80% мирового рынка). В КНР находятся 44 из общих мировых запасов в 120 млн т редкоземельных металлов. По данным Геологической службы США²⁰, на втором–третьем местах находятся Бразилия и

²⁰ Top Rare Earth Reserves by Country. (2021) *Investing News*. Available at: <https://investingnews.com/daily/resource-investing/critical-metals-investing/rare-earth-investing/rare-earth-reserves-country/> (accessed 29 May 2021).

Вьетнам (22 млн т), далее следуют Россия (12 млн т), Индия (6.9 млн т), Малайзия (4.4 млн т), Австралия (3.4 млн т) и США (1.4 млн т) (см. рис. 4).

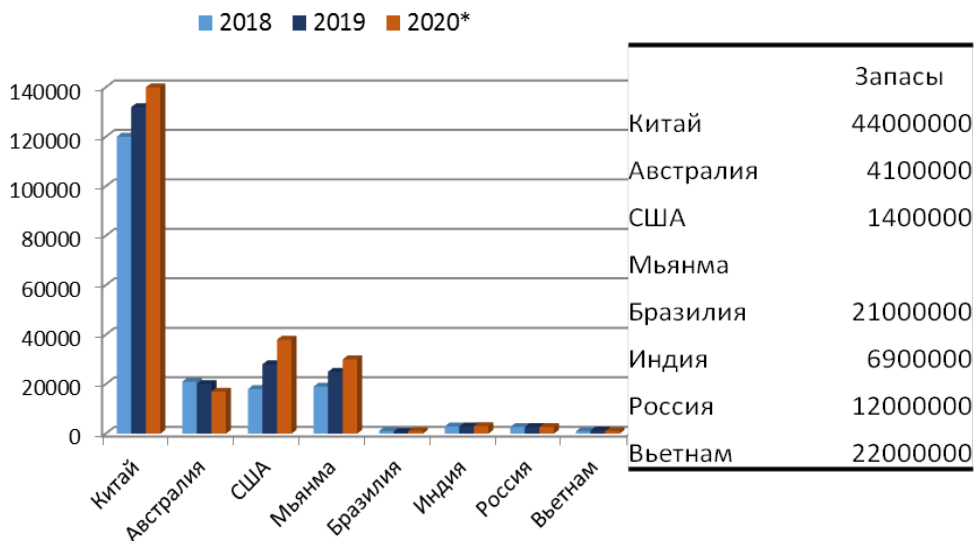

Рисунок 4. Производство (диаграмма слева) и запасы (данные справа) редкоземельных металлов, 2018–2020

Figure 4. Production (diagram on the left) and reserves (data on the right) of rare earth metals, 2018–2020

* Предварительные данные.

Парадоксально, что три ресурсобеспеченных государства – Бразилия, Вьетнам и Россия – практически не ведут разработку месторождений. Австралия с относительно небольшими запасами находится на втором месте в мире по добыче после Китая, США – на третьем. В настоящее время компании этих стран, ранее прекратившие добычу, намерены возобновить операции, несмотря на юридические и экологические препятствия.

С целью диверсификации импортных поставок Соединенные Штаты идут, с одной стороны, по пути развития собственного производства критически важных металлов, с другой – наращивают усилия по формированию инвестиционных альянсов со стратегическими союзниками – Австралией и в перспективе Японией – и совместного инвестирования в масштабную дорогостоящую разработку месторождений редкоземельных металлов. Это создает для Китая высокие риски потери внешних рынков, поскольку крупнейшие импортеры китайских редкоземельных металлов являются политическими союзниками США (Япония, Республика Корея, Индия, Великобритания, Канада и пр.). Сохранение позиций в Индии, Южной Корее, континентальной Европе и наращивание поставок в Россию представляют стратегический приоритет для КНР.

Сельское хозяйство

Наращивание американского сельскохозяйственного экспорта в Китай было важной задачей для Д. Трампа. В итоге сельскохозяйственные товары составили около 20% товаров и услуг, закрепленных в условиях «первого этапа», однако ожидаемого прироста экспорта не произошло. В действительности на начало 2021 г. экспорт американских товаров в Китай оказался ниже, чем он был до вступления Д. Трампа в должность президента в 2017 г. Это касается товаров, как попадающих под действие «первой фазы», так и не входящих в ее номенклатуру. В первой половине 2020 г. экспорт американских сельскохозяйственных товаров в КНР был в два раза ниже объемов, предполагаемых соглашением. Более того, импорт товаров «первого этапа» в Китай из прочих стран вырос на начало 2021 г. более чем на 20% по сравнению с 2017 г. Практическим итогом торговой войны стало частичное замещение импорта из США продукцией из третьих государств.

Главными выгодоприобретателями замещения импорта американских сельскохозяйственных товаров (особенно соевых бобов, круп и хлопка) в Китай стали Чили, Малайзия, Аргентина, САР Гонконг, Сингапур, Бразилия, Франция и Германия. На фоне роста закупок американской кукурузы и свинины (в условиях эффекта низкой базы) снизились поставки ключевых сельскохозяйственных категорий. В частности, к началу 2021 г. Китай купил менее половины того объема соевых бобов, который предполагало торговое соглашение, а именно эта категория составляла 60% американского сельскохозяйственного экспорта в КНР до начала торговой войны. Китай фактически заместил американский импорт соевых бобов поставками из Бразилии и Аргентины.

Правовые эффекты

Торговая война выступила дополнительным катализатором, выявившим эффективность существующей системы глобального торгового управления, и фактически способствовала смещению правовых акцентов. Участники рынка осознали, что единственный действенный способ обжаловать введение американских санкций — это не обращение в орган по разрешению споров (ОРС) ВТО, а подача исковых заявлений в американские суды. Китай продолжает продвигать идею нерушимости и необходимости соблюдения основополагающих принципов системы международной торговли (режима наибольшего благоприятствования), при этом китайские компании фактически уже поставили на поток практику обращения в американские судебные инстанции.

По состоянию на март 2021 г. Китай инициировал в ОРС ВТО 16 споров с США, а Соединенные Штаты против КНР — 23. В отношении спора DS543 (*КНР против США: Меры тарифного регулирования в отношении определенной категории товаров из Китая*) Третьей группой опубликовала отчет 15 сентября 2020 г., в котором пришла к выводу о том, что оспариваемые пошлины несовместимы со ст. 1 ГАТТ (Общий режим наиболее благоприятствуемой нации) и ст. 2 ГАТТ (Перечень уступок), так как они применялись сверх ставок, кото-

рые Соединенные Штаты обязались использовать в своем Перечне уступок. Для практики разрешения споров ВТО уже опубликованный отчет Третьей группы по кейсу *DS543* имеет большое значение, так как введение тарифных мер в отношении товаров из Китая было признано нарушением общего режима наиболее благоприятствуемой нации.

Однако США заявили о намерении обжаловать решение в Апелляционном органе ВТО, работа которого фактически была заморожена, поскольку сами же Соединенные Штаты заблокировали начало отбора новых арбитров, тем самым поставив под угрозу работу ОРС и еще больше обострив кризис ВТО последних лет. Таким образом, круг замкнулся. И без того длительный период рассмотрения споров был продлен в связи с ограничениями, связанными с пандемией *COVID-19*, и приостановлением деятельности Апелляционного органа.

При этом практика подачи китайской стороной исков в американские суды оказалась куда более действенной. Зафиксированы неединичные случаи, когда имплементация санкций в отношении китайских компаний была приостановлена решениями американских судов. Так, Окружной суд США Северного округа Калифорнии наложил судебный запрет на исполнение Министерством торговли США указа Д. Трампа о запрете *WeChat*. Позже *TikTok* подал иск против Д. Трампа и министра торговли У. Росса. Судебный процесс завершился положительным исходом: Федеральный суд Восточного округа Пенсильвании наложил запрет на исполнение указа Д. Трампа. Иск в окружной суд округа Колумбия подала *Huawei*; *Xiaomi* подала иск против американского Казначейства.

Именно американские суды постепенно становятся органами последней инстанции в решении санкционных споров, рассматривая существенно более широкий круг вопросов, нежели ОРС ВТО, и замещая систему глобального регулирования.

Вместо заключения:

перспективы торговой войны США и КНР при Дж. Байдене

Очевидно, что экономическая борьба США с Китаем при президенте Дж. Байдене продолжается с новой силой. Его администрация сохраняет курс на защиту экономической гегемонии, технологического лидерства и производственных цепочек США от притязаний со стороны Китая. Торговая повестка Дж. Байдена предполагает возможность использования «всех доступных инструментов для борьбы с несправедливой торговой политикой Китая»²¹, к числу проявлений которой американская администрация относит в том числе

²¹ Trade Policy Agenda and 2020 Annual Report of the President of the United States on the Trade Agreements Program (2021) *Executive Office of the President of the United States* Available at: <https://ustr.gov/sites/default/files/files/reports/2021/2021%20Trade%20Agenda/Online%20PDF%202021%20Trade%20Policy%20Agenda%20and%202020%20Annual%20Report.pdf> / (accessed 29 May 2021).

субсидирование экспорта, нарушение прав интеллектуальной собственности, принудительный трансфер технологий, инструменты тарифного и нетарифного внешнеторгового регулирования.

Общая риторика США и принципы взаимодействия с Китаем сохраняются: фактически наследие Д. Трампа инкорпорировано в повестку администрации его преемника. В то же время Дж. Байден пытается делать акцент на прагматизме, рациональности и безэмоциональности санкционной риторики. При этом ожидается, что системная риторика и инструментарий торгового противостояния будут опираться на (1) усиление правозащитной риторики – традиционно «особой» темы для демократов; (2) усиление контроля за деятельностью технологических компаний и дальнейшие ограничения доступа китайских телекомов к американским технологиям; (3) реализацию стратегии сдерживания Китая через расширение стратегических альянсов, в том числе инвестиционных и технологических по линии *QUAD* и *I2U2*, а также посредством консолидации *G7* для коллективного противостояния расширению китайского влияния. При Дж. Байдене системность в применении санкций в отношении Китая сохраняется и возрастает, обострилась гонка вложений в развитие технологий, *R&D* и альтернативную энергетику, усиливается правозащитная и экологическая риторика. Симбиоз технологической, экологической и финансовой осей конфликта с Китаем может стать основой усугубления торговой войны.

Взяв на себя роль кредитора последней инстанции и запустив в последние годы одну за другой программы количественного смягчения, Федеральная резервная система США (ФРС) укрепила положение доллара в качестве мировой валюты и американское финансовое лидерство. Это позволяет Соединенным Штатам диктовать условия торгово-финансовой войны, «раскачивать» финансовые рынки за счет ужесточения правил листинга китайских компаний и усиливающейся риторики о возможном введении жестких долларовых санкций и отключении Китая от системы *SWIFT*. Последний сценарий маловероятен – США вряд ли готовы лишиться себя главного инструмента сбора информации обо всех проводимых трансакциях, который фактически обеспечивает жизнеспособность *CAATSA*. Кроме того, возросшая финансовая взаимозависимость двух государств удерживает их в состоянии хрупкого равновесия, усиливая обоюдную заинтересованность в сохранении финансовой стабильности и сдерживании агрессивного использования финансовых инструментов борьбы.

В свою очередь Китай будет делать ставку на ускорение и повышение эффективности взятого экономического курса. Технологическое противостояние КНР и США нарастает. Согласно пресс-релизу Национального бюро статистики Китая, в 2020 г. расходы КНР на НИОКР выросли на 10.3% до 378 млрд долл., превысив в два раза аналогичные показатели США, которые в 2020 г. составили 134 млрд долл. Исходя из 14-го пятилетнего плана развития КНР для преодоления технологической зависимости Китай будет продолжать

увеличивать расходы на НИОКР темпами, превосходящими американские. Значимость курса на технологическое импортозамещение, взятого еще в 2015 г. (в рамках программы «Сделано в Китае 2025»), будет лишь повышаться.

Торговая война фактически ускорила процесс отхода Китая от экспортоориентированной модели экономического роста; придала новый импульс поступательной реализации КНР национальной внешнеэкономической и внешнеполитической стратегии, ключевыми элементами которой являются: (1) усиление принципов открытости и «глобализма» с акцентом на соблюдении международного режима справедливой торговли с учетом интересов развивающихся государств; (2) развитие национальной финансовой системы и рынка розничных платежей; (3) интернационализация юаня через систему валютных своп-соглашений и содействие дедолларизации мировой торговли; (4) ускоренное наращивание инвестиций в исследования и разработки; (5) экологический комплаенс (*compliance*); (6) усиление влияния Китая в международных организациях, в том числе ВТО, МВФ, ВОЗ, Арктическом совете и др.

Список литературы

1. Bourdon M., Mouél C. and Vijil M. (2013) The Relationship between Trade Openness and Economic Growth: Some New Insights on the Openness Measurement Issue, *Hall-Archives, Ouvertes*. Hal Id: 00729399, pp. 1–18.
2. Chin T., Rowley C., Redding G. et al. (2018) Chinese Strategic Thinking on Competitive Conflict: Insights from Yin-Yang Harmony Cognition. *International Journal of Conflict Management* 29(5): 683–704. DOI: 10.1108/IJCMA-09-2017-0101.
3. Gomory R. and Baumol W.J. (2009) Globalization: Country and Company Interests in Conflict. *Journal of Policy Modeling* 31(4): 540–555. DOI: 10.1016/j.jpolmod.2009.05.013.
4. Greenaway D., Morgan W. and Wright P. (2002) Trade Liberalisation and Growth in Developing Countries. *Journal of Development Economics* 67(1): 229–244. DOI: 10.1016/S0304-3878(01)00185-7.
5. Park S.-C. (2018) U.S. Protectionism and Trade Imbalance between the U.S. and Northeast Asian Countries. *International Organisations Research Journal* 13(2): 76–100. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-02-05.
6. Samuelson P.A. (2004) Where Ricardo and Mill Rebut and Confirm Arguments of Mainstream Economists Supporting Globalization. *Journal of Economic Perspectives* 18(3): 135–146. DOI: 10.1257/0895330042162403.
7. Santos-Paulino A. and Thirlwall A.P. (2004) The Impact of Trade Liberalisation on Exports, Imports and the Balance of payments of Developing Countries. *The Economic Journal* 114(493): F50–F72. DOI: 10.1111/j.0013-0133.2004.00187.x.
8. Данилин И.В. (2020) Концептуализация стратегии США в технологической войне против КНР: экономика, политика, технонационализм. *Международная аналитика* 11(4): 21–38. DOI: 10.46272/2587-8476-2020-11-4-21-38.
9. Литвинов Е.А. (2020) Перспективы и возможные последствия торговой войны США и Китая. *Российский внешнеэкономический вестник* 10: 42–49. DOI: 10.24411/2072-8042-2020-10100.
10. Пак С. (2020) Торговая война Китая и США: что будет с китайской экономикой? *Вестник международных организаций* 15(2): 213–235. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-02-05 (на русском и английском языках).
11. Петров А.А. (2020) Китай – США: перспективы выхода из торговой войны. *Международная жизнь* 4: 50–57.

US – CHINA TRADE WAR: ECONOMIC AND LEGAL AFTERMATHS

Dr Ekaterina Ya. ARAPOVA – Director, Leading Researcher, Center for Sanctions Policy Expertise, Institute for International Studies, MGIMO University.
ORCID: 0000-0001-8765-9825. E-mail: arapova_katrin@mail.ru
76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Received May 8, 2023

Accepted June 11, 2023

Abstract: The China-US trade war, which was the result of differences in the production structure of the two countries, systemic contradictions in foreign economic policy principles and the struggle for global leadership, has a significant impact on global trade flows and market conditions. The article aims to identify the key beneficiaries of the trade war, to assess the situation in individual industry markets, as well as global legal effects, which remain out of academic discourse. US pharmaceutical companies and manufacturers of electronic integrated circuits, diodes, transistors, semiconductors and other high-tech components are the main beneficiaries of the trade war, while US consumers are facing rising import prices. Chile, Malaysia, Argentina, Brazil, Canada are external beneficiaries due to the growth in the supply of agricultural products and metals. Malaysia, Vietnam, Taiwan, Hong Kong, Singapore, South Korea and Japan win in electronics, while Vietnam, Pakistan, Bangladesh, Sri Lanka, Cambodia, as well as India get additional advantages in textile production. The United States aimed at ousting China from the world rare earth metals market, forming an investment coalition consisting of Australia and Japan. The systemic spread of sanctions and trade restrictions is shifting the trade disputes resolution from the global level towards the US legal system, which seems to be relatively more efficient in resolving trade disputes.

Keywords: protectionism, trade war, China, USA, energy, rare earth metals, customs duties, sanctions

References:

1. Bourdon M., Mouél C. and Vijil M. (2013) The Relationship between Trade Openness and Economic Growth: Some New Insights on the Openness Measurement Issue, *Hall-Archives, Ouvertes*. Hal Id: 00729399, pp. 1–18.
2. Chin T., Rowley C., Redding G., et al. (2018) Chinese Strategic Thinking on Competitive Conflict: Insights from Yin-Yang Harmony Cognition. *International Journal of Conflict Management* 29(5): 683–704. DOI: 10.1108/IJCMA-09-2017-0101.
3. Gomory R. and Baumol W.J. (2009) Globalization: Country and Company Interests in Conflict. *Journal of Policy Modeling* 31(4): 540–555. DOI: 10.1016/j.jpolmod.2009.05.013.
4. Greenaway D., Morgan W. and Wright P. (2002) Trade Liberalisation and Growth in Developing Countries. *Journal of Development Economics* 67(1): 229–244. DOI: 10.1016/S0304-3878(01)00185-7.
5. Park S.-C. (2018) U.S. Protectionism and Trade Imbalance between the U.S. and Northeast Asian Countries. *International Organisations Research Journal* 13(2): 76–100. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-02-05. (In Russian and English).

6. Samuelson P.A. (2004) Where Ricardo and Mill Rebut and Confirm Arguments of Mainstream Economists Supporting Globalization. *Journal of Economic Perspectives* 18(3): 135–146. DOI: 10.1257/0895330042162403.
7. Santos–Paulino A. and Thirlwall A.P. (2004) The Impact of Trade Liberalisation on Exports, Imports and the Balance of payments of Developing Countries. *The Economic Journal* 114(493): F50–F72. DOI: 10.1111/j.0013-0133.2004.00187.x.
8. Danilin I.V. (2020) Konceptualizaciya strategii SSHA v tekhnologicheskoy vojne protiv KNR: ekonomika, politika, tekhnonacionalizm [Conceptualizing American Strategy in the Technology War Against China: Economy, Geopolitics, Techno-Nationalism]. *Mezhdunarodnaya analitika* [Journal of International Analytics] 11(4): 21–38. DOI: 10.46272/2587-8476-2020-11-4-21-38. (In Russian).
9. Litvinov E.A. (2020) Perspektivy i vozmozhnye posledstviya torgovoj vojny SSHA i Kitaya [Prospects and Possible Consequences of the US–China Trade War] *Rossijskij vneshneekonomicheskij vestnik* [Russian Foreign Economic Journal] 10: 42–49. DOI: 10.24411/2072-8042-2020-10100. (In Russian).
10. Park S. (2020) Torgovaya vojna Kitaya i SSHA: chto budet s kitajskoj ekonomikoj? [Trade Conflict Between the U.S. and China: What Are the Impacts on the Chinese Economy?]. *International Organisations Research Journal* [Vestnik mezhdunarodnyh organizacij] 15(2): 213–235. DOI: 10.17323/1996-7845-2020-02-10. (In Russian and English).
11. Petrov A.A. (2020) Kitaj – SSHA: perspektivy vyhoda iz torgovoj vojny [China–U.S.: Prospects for a Way out of the Trade War]. *Mezhdunarodnaya zhizn* [International Affairs] 4: 50–57. (In Russian).